

О ТЕХ, КТО «ПЕРВЫМ ПОЧУЯЛ ВАЖНОЕ» Мировой кризис глазами западных интеллектуалов

Тимофей Дмитриев

В одном из своих интервью пару лет назад Юрген Хабермас заметил, что важнейшей функцией интеллектуала в современном обществе является умение «первым почуять важное», зафиксировать доминирующие тенденции и процессы, происходящие в мире, равно как и понять, куда ведет ход событий. В условиях современного мирового кризиса, разворачи-

вающегося на наших глазах, это чутье оказывается как никогда кстати. При всем разнообразии и несхожести высказанных по поводу кризиса мнений и оценок единственное, в чем, пожалуй, согласны ведущие западные интеллектуалы — так это в том, что история не закончилась, что она продолжается и что ей еще суждено преподнести нам немало сюрпризов.

Итоги неутешительны

Известный английский политический философ Джон Грей видит в мировом кризисе прежде всего симптом глобальных геополитических изменений, подобных тем, что некогда привели к крушению Советского Союза после падения Берлинской стены¹. Главный смысл происходя-

щих изменений для него заключается в том, что нынешний финансовый кризис является «моментом истины» в процессе утраты США роли глобального гегемона в мировой политике. По словам Грея, «эра американского глобального лидерства, берущая свое начало еще со времен окончания Второй мировой войны, завершилась». В результате кризиса под вопросом оказалось существование не только конкретных финансовых институтов и крупных корпораций, но и основополагающих идеологем, на которых строилось американское мировое господство на протяжении последних шестидесяти лет. Национализация государством ведущих элементов финансовой системы Америки основательно подорвала веру — причем не только в самих США, но и за его пределами, — в спасительную силу и незаменимость свободного саморегулирующегося рынка. Грей считает, что по своим последствиям это событие будет иметь не меньшее значение, чем крушение Советского Союза в 1991 году, поскольку в данном случае речь идет о крахе американской модели экономики и политики как таковой. Происходящий упадок американского господства становится еще более зримым на фоне подъема Китая, чья модель развития оказалась лучше подготовлена к тому, чтобы справиться с последствиями мирового кризиса.

Как констатирует Грей, «иракская война и финансовые спекуляции фатально подорвали экономическое лидерство США». В нынешних условиях только беспрецедентное государственное вмешательство способно предотвратить полный крах рынка. В итоге, однако, Америка окажется в еще большей зависимости от других игроков на мировой арене, чей политический и экономический вес и влияние на мировые дела будет возрастать. Однако крах американской экономической модели, сложившейся за последние двадцать лет, не означает краха капитализма в целом. Безусловно, модели капитализма, основанной на дерегуляции финансовых рынков, пришел конец. Однако

те капиталистические страны, которые в предыдущие годы сохранили высокую степень государственного регулирования экономики, имеют все шансы устоять в разыгравшейся экономической буре.

По словам Грея, ирония исторического периода, наступившего после окончания «холодной войны», состояла в том, что на смену утопической идеологии советского коммунизма пришла «новая» утопическая идеология «рыночного фундаментализма». Крах экономической мощи США был хорошо предсказуемым результатом триумфа этой идеологии. Этот крах повлечет за собой масштабные геополитические изменения, за которыми США будут вынуждены лишь беспомощно наблюдать, не имея реальной возможности руководить этими процессами. Как замечает Грей, «война в Грузии показала, что Россия также вносит свой весомый вклад в начавшуюся перекройку геополитической карты».

Переход к новому миропорядку

Известный левый мыслитель и создатель теории «мир-системы» Иммануил Уоллерстайн соглашается с Греем в том, что мы являемся свидетелями переломного момента в мировой истории, который, однако, он связывает не только с закатом американской гегемонии, но и с надвигающимся крахом всей мировой капиталистической системы². По мнению Уоллерстайна, одна из главных проблем понимания современного кризиса связана с тем, что слово «кризис» употребляется чересчур широко и поэтому носит слишком расплывчатый характер. Тем не менее кризис действительно имеет место и складывается из целого ряда моментов. «Начиная с 1945 года на протяжении последующих 25 лет США были ведущей доминирующей силой в рамках мировой системы; на это же время приходится период беспрецедентного экономического процветания стран Запада, не имеющий аналогов в современной истории».

В начале 1970-х годов США постепенно входят в фазу упадка, и мировая экономика в последующие тридцать лет пребывает в состоянии относительной стагнации. Ее характерным признаком является падение уровня прибыли в наиболее монополизированных отраслях экономики за счет выхода на рынки новых игроков. Из подобного положения существует несколько путей выхода, один из которых заключается в переносе производства в страны с более дешевой рабочей силой, другой — в увеличении прибыли за счет спекуляции на финансовых рынках. За прошедшие десятилетия были испробованы оба эти пути. В 1970-е годы соответствующую политику осуществляла Западная Европа, в 1980-е — Япония, в 1990-е — США. В настоящее время, как полагает Уоллерстайн, «подобные механизмы преодоления кризисных тенденций в мировой экономике оказались полностью исчерпаны, поэтому то, что привычно называют финансовым кризисом, с точки зрения теории мировой системы, основанной на концепции больших циклов конъюнктуры российского экономиста Н.Д. Кондратьева, нельзя оценить иначе, нежели как масштабный экономический крах». Его отличительной чертой является то, что наступившая экономическая депрессия сопровождается упадком мировой гегемонии США, что, однако же, не может считаться новым явлением для мировой капиталистической системы, в которой и прежде переход лидерства от одной державы-гегемона к другой, — в XVII веке ее роль исполняла Голландия, в XVIII–XIX веках — Англия, а в XX веке — США, — всегда сопровождался крупными экономическими потрясениями.

По мнению Уоллерстайна, современный кризис приведет к дезинтеграции существующей капиталистической системы и к возникновению на ее обломках какой-то новой экономической и геополитической конфигурации. Современное человечество находится на переломном рубеже. Одним из следствий мирового кризиса, активная фаза которого,

¹ John Gray, *A shattering moment in America's Fall From Power*, *The Observer*, Sunday 28 September 2008.

² Wallerstein: *Capitalism's Demise?* Immanuel Wallerstein interviewed by Jae-Jung Suh, *The Hankuoreh*, 8 January 2009.

Джонатан Меезе BABY 'KUNST' (METABOLISM ROCK'S)
Галерея «Риджина», 2009

по Уоллестайну, продлится не менее пяти лет, станет растущая геополитическая фрагментация мира. Уже сейчас в мире существует, по меньшей мере, восемь или десять центров силы, и это сильно затрудняет достижение договоренностей между геополитическими игроками. Оптимальным выходом из этой ситуации было бы создание масштабных альянсов и союзов, — США со странами Юго-Восточной Азии, Европы с Россией, России с Индией и т. д., что позволило бы внести в мировую политику больше определенности. Переход к новому мировому порядку может занять несколько десятилетий, однако общая направленность изменений четко просматривается уже сегодня. Единственное, чего совершенно не приходится ожидать — это сохранения мировой капиталистической системы в ее нынешнем виде; тем не менее ее распад будет носить длительный характер и может занять от 50 до 80 лет.

Конец идеологии неолиберализма

В контексте споров о природе современного кризиса особый интерес представляют взгляды тех авторов, которые ищут его предпосылки в факте господства в западном мире конца 1990-х — начала 2000-х годов определенных идейных тенденций, служивших в ту пору правящим элитам руководством к действию, как в самом западном мире, так и за его пределами. Крайне примечательной в этом плане является статья известного американского либерального теоретика Фрэнсиса Фукуямы, провозгласившего в конце 1980-х годов эру наступления «конца истории» — окончательного триумфа западного мира и вдохновлявших его либерально-демократических идеалов над своим всемирно-историческим противником в лице советского коммунизма. Однако новые времена приносят с собой новые песни, и сегодня Фукуяма возлагает ответственность за мировой кризис, наиболее остро поразивший развитые западные страны, на неолиберальную идео-

логию, восторжествовавшую в США и других странах Запада в 1990-е годы.

В «холодной войне», пишет Фукуяма в журнале Newsweek, Америка одержала сокрушительную победу, как экономическую, так и идеологическую³. Советская система рухнула, Америка же вступила в пору процветания и успеха. Эта победа была в значительной степени достигнута благодаря «мягкой силе» идей (термин американского политолога Дж. Ная), что стало возможным благодаря идеологическому перевооружению Америки в период президентства Р. Рейгана. Первая из этих идей — это либеральная модель капитализма, построенная на низких налогах и минимальном вмешательстве государства в экономику; вторая — либеральная демократия в ее американской форме. Эти две несущие опоры американской модели развития в 1980–1990-е годы обеспечили как процветание самой Америки, так и распространение ее влияния по всему миру, благодаря чему американская гегемония в тот период была неоспоримой.

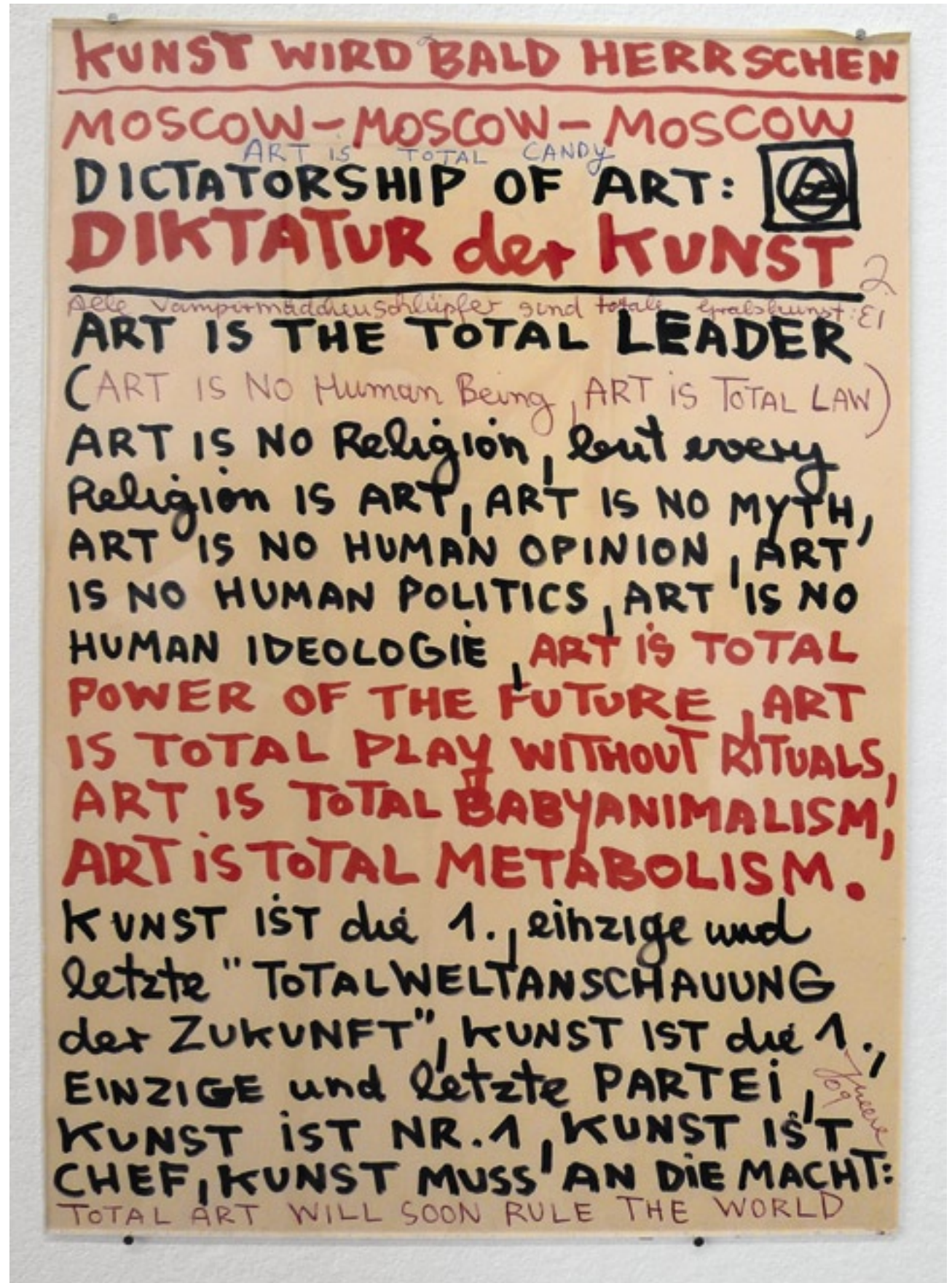
Однако триумф неолиберализма был недолгим; в настоящее время, как признается Фукуяма, ему пришел конец. Годы процветания остались позади, и Америка вместе со всем миром снова вступила в новый период, перспективы которого отмечены крайней неопределенностью. Американская демократия дискредитировала себя, а американская модель экономики переживает не лучшие времена и грозит утратить за собой на дно экономику всего остального мира. Бренд «Америка» проходит проверку на прочность, тогда как альтернативные модели развития, среди которых Фукуяма упоминает китайскую и русскую, становятся все более привлекательными.

Причины нынешнего кризиса и его беспрецедентную остроту и глубину Фукуяма усматривает в том, что «со времен «Нового курса» президента Рузвельта 1930-х годов во всем мире влияние правительства на экономику постоянно росло». В итоге в 1970-е годы развитые страны сильно страдали от разросшейся

государственной бюрократии, а высокие налоги и масштабные социальные гарантии душили индивидуальную инициативу и мешали частному бизнесу динамично развиваться. Ответом на кризисные тенденции рубежа 1970–1980-х годов в развитых странах Запада стал «неоконсервативный поворот», вылившийся в реформы администрации Рейгана в США и правительства Тэтчер в Великобритании. Несмотря на то, что первоначально эта политика породила большие проблемы, приведя, в частности, к увеличению безработицы и к ожесточенному сопротивлению со стороны традиционных профсоюзов, она в то же самое время заложила основы для трех десятилетий роста и появления новых отраслей экономики, прежде всего в сфере информационных технологий и биотехнологий.

«Рейганомика» сбилась с пути, пишет Фукуяма, когда она из практического руководства к действию превратилась в фетиш, т. е. в идеологию, не подлежащую критике. По словам Фукуямы, «две идеи превратились в неприкосновенные догмы: что снижение налогов автоматически приведет к оздоровлению финансов и что финансовые рынки сами себяотрегулируют». В итоге Америка стала жить не по средствам, а ее государственный долг и дефицит бюджета колоссально выросли. Не менее разрушительные последствия для американской экономической модели имела и дерегуляция финансовых рынков, которая привела к появлению рискованных финансовых инструментов, бесконтрольное использование которых стало одной из главных причин кризиса.

По словам Фукуямы, в настоящее время мы стоим на пороге нового витка американской и мировой истории. В обозримом будущем Америка не сможет сохранить за собой мировое политическое лидерство. Снижаться также ее возможности влиять на мировую политику с помощью торговых соглашений и финансовых институтов. Поблекнет и ее идеологическое лидерство. Тем не менее влияние Америки может быть восстановлено и, как убежден Фукуяма,

Джонатан Меезе BABY 'KUNST' (METABOLISM ROCK'S)
Галерея «Риджина», 2009

³ Fukuyama F. The Fall of America, INC., The Newsweek, 13 October 2008.

в конце концов так оно и случится. Не очевидно, что китайская или русская модели развития в долгосрочной перспективе окажутся лучше американской. Как подчеркивает Фукуяма, «в прошедшем веке Америке дважды удавалось отправиться от масштабных потрясений 1930-х и 1970-х годов благодаря гибкости своей системы, позволяющей исправлять допущенные ошибки, и стойкости американского народа». Подобная возможность сохраняется и теперь, однако ради ее осуществления Америке необходимо пойти на фундаментальные перемены.

Перспективы туманны

На фоне крайне пессимистичных оценок, которые даются ведущими интеллектуалами мира масштабу и последствиям нынешнего мирового кризиса, немаловажное значение приобретает вопрос о том, какие перспективы открываются перед мировой экономикой и политикой в контексте этого кризиса. Размышлениям на эту тему посвящено интервью известного немецкого философа Юргена Хабермаса, данное им еженедельнику «Die Zeit»⁴. Как отмечает Хабермас, мировой кризис положил начало новым временам. Эра приватизации завершена, и на смену ей должна прийти политика в социал-демократическом духе, направленная на осуществление общего блага.

Главное, что вызывает у Хабермаса возмущение в современном мировом кризисе — это та «ужасающая социальная несправедливость, по логике которой за убытки, вызванные рыночным крахом, должны будут заплатить наименее обеспеченные и защищенные социальные группы. Массы тех, кто явно не относятся к числу получателей выигрышей от процессов глобализации, должны будут оплатить издержки от предсказуемой дисфункции финансовой системы мировой экономики». Однако это не повод для того, чтобы становиться в позу моралистов. Те, кого называют фи-

нансовыми спекулянтами, действовали в полном соответствии с действующими законами и признанной логикой функционирования рыночной экономики, ориентированной на максимизацию прибыли. Политика превращается в посмешище, если она начинает заниматься морализаторством вместо того, чтобы опираться на право и проводить свою волю при помощи закона. Согласно Хабермасу, «именно политика, а не капитализм ответственна за осуществление общего блага».

В последние годы в Германии, как и в других европейских странах, сложилось положение, когда интересы крупных собственников и инвесторов были поставлены на первый план, тогда как растущее социальное неравенство, появление низшего класса, нищета среди детей и иные отрицательные явления практически не принимались во внимание. В сочетании с навязчивой манерой приватизации, господство этой односторонней логики крупного бизнеса привело к тому, что государство лишилось своих ключевых функций, в результате чего остатки публичной сферы, в рамках которой граждане могут обсуждать значимые общественно-политические альтернативы, были отданы на откуп финансовым инвесторам, руководствующимся рыночной логикой максимизации прибыли, а такие сферы общественной жизни, как культура и образование, оказались подчиненными интересам спонсоров, деятельность которых сильно зависит от колебаний хозяйственных циклов. По сути дела, речь шла о колонизации рынком еще не затронутых императивами рыночной системы аспектов «жизненного мира». Как отмечает Хабермас, подобная политика явным образом «противоречит эгалитарным принципам социального и демократического правового государства».

Как подчеркивает Хабермас, начиная с 1989–1990-х годов перестала существовать левая общественно-политическая альтернатива капиталистическому миру в виде «реального социализма» в Советском Союзе и странах Восточной Европы; правда, мало

кто из левых на Западе воспринимал ее в качестве серьезной альтернативы капитализму еще в 1970–1980-х годах. Это исчерпание утопических энергий, одним из проявлений которого и стало крушение «реального социализма» и окончание «холодной войны», способствовало сужению горизонтов и ожиданий: капитализм западного типа оказался единственной оправдавшейся моделью современного развития, а единственным выбором стало «облагораживание и укрощение капиталистической динамики изнутри». В этом плане Хабермас возвращается к идеям, высказанным в своей книге «Проблема легитимации позднего капитализма» (1973), и подчеркивает, что теперь речь надо вести не о легитимации капитализма как такового перед лицом иных общественно-политических альтернатив, но о легитимации определенных практик в рамках самого капитализма⁵. Ярким проявлением подобных проблем легитимации является оказавшийся в центре общественных споров вопрос о правомерности получения сверхдоходов и бонусов менеджерами крупных корпораций в условиях, когда те переживают кризис и рассчитывают на поддержку со стороны государства. Правда, по большому счету сам этот спор представляет собой не что иное, как момент символической политики, призванной отвлечь внимание общественности от провалов политиков и их экономических консультантов. Прогнозы, на которые опиралась политика «Вашингтонского консенсуса», не сбылись. Это касается, в частности, всячески рекламируемого в рамках этого подхода «эффекта просачивания», — так называемого принципа Trickle Down, — согласно которому экономическая политика должна быть рассчитана, прежде всего, на то, чтобы позволить богатым стать еще богаче; общественность уверяли, что золотой дождь от их процветания в конце концов прольется и на менее состоятельные слои общества. По словам Хабермаса, реальным итогом этой политики стала чудовищная асимметрия в уровнях доходов как внутри отдельных стран, так

Джонатан Меезе BABY 'KUNST' (METABOLISM ROCK'S). Галерея «Риджина», 2009

и между отдельными странами и регионами, сопровождавшаяся колоссальным ростом нищеты.

Социал-дарвинистский потенциал рыночного фундаментализма из внутренней политики проникает во внешнюю. Наглядный пример тому — политика администрации Буша в Ираке, осуществляемая с позиции силы. По мнению Хабермаса, еще в 1990-е годы стала очевидной необходимость создания новой архитектуры международных отношений, поскольку контроль над мировыми рынками требует создания соответствующих наднациональных институтов для координации действий мирового сообщества. Острота и сложность современных мировых проблем заставляют задуматься о необходимости осуществления скоординированной «мировой внутренней политики», саму идею которой прежде было принято оценивать как совершенно нереалистичную. В любом случае важно, чтобы национальные государства — в своих же собственных интересах — вос-

принимали себя как членов единого мирового сообщества, самым ходом событий вынуждаемых к взаимному учету интересов. Это самая сложная задача, которую придется решать мировому сообществу в течение нескольких ближайших десятилетий.

Территориальные конфигурации кризиса

Известный американский социальный теоретик и специалист по урбанистике Дэвид Харви также полагает, что современный мир стоит на пороге колоссальных перемен, которые будут иметь своим следствием как перемещение территориальных центров мировой силы, так и изменение направления движения потоков капитала⁶. Согласно Харви, ключевая проблема современных международных отношений заключается в правильном подходе к рассмотрению отношений между территориальной локализацией политической власти и пространственной ло-

кализацией накопления капитала. Для правильного понимания современного кризиса необходимо отказать от представления, будто бы капиталистическая логика власти вообще лишена какой-либо пространственной локализации. Подобная тенденция особенно ярко проявляется тогда, «когда рассуждают о «глобализации» как о какой-то абстрактной силе, которая существует «бог знает где». В действительности капиталистическая логика власти постоянно создает территориальные конфигурации в форме городов, региональных моделей разделения труда и государств». Таким образом, логика капитализма не лишена пространственной локализации; скорее, речь должна идти о конфликте между двумя пространственными логиками — логикой накопления капитала, реализующейся в значительной степени на транснациональном уровне, и замкнутой территориальной логикой политической власти, занятой управлением населением при помощи территориальных

⁴ Nach dem Bankrott, Die Zeit, 6 November 2008.

⁵ Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.

⁶ Schouten P. (2008) 'Theory Talk #20: David Harvey on the Geography of Capitalism, Understanding Cities as Politics and Shifting Imperialism', Theory Talks, <http://www.theory-talks.org/2008/10/theory-talk-20-david-harvey.html> (09–10–2008)

Джонатан Меезе BABY 'KUNST' (METABOLISM ROCK'S). Галерея «Риджина», 2009

конфигураций, известных как «государственные аппараты».

Харви подчеркивает, что современный мировой кризис трудно понять еще и потому, что не вполне ясно, кем, как и где принимаются решения, затрагивающие судьбы миллионов человек. Исследователи обычно делают основной упор на государства как на действующих лиц в мировой политике и экономике, не обращая при этом достаточного внимания на других акторов, в частности, на крупные города как на центры деловой и политической активности. На самом деле то, что происходит в мировой экономике сегодня, в решающей степени зависит от того, что происходит на биржах в Нью-Йорке и Лондоне, нежели от голосований в ООН. Действующими лицами современного кризиса являются не «США» или «Великобритания», а отдельные группы лиц в таких городах, как Нью-Йорк и Лондон. Вовсе не население США определяет будущее экономики этой страны, да и всего мира. По словам Харви, «оно

является скорее объектом, нежели субъектом тех решений, что принимаются в Лондоне и Нью-Йорке». Современный финансовый кризис наглядно показал, что единственными реальными игроками в мире являются ведущие банки, органы же представительной демократии не имеют на их действия никакого влияния и вынуждены молча «проглатывать» те решения, которые они им преподносят.

По мнению Харви, одним из последствий мирового кризиса станет упадок «Американской империи», причем это событие будет иметь такое же всемирно-историческое значение, как и крушение Советского Союза. По его словам, «нет никаких сомнений в том, что кризис нанесет сильный удар по американской гегемонии в рамках структуры империалистических стран». Тем не менее, подчеркивает он, не следует забывать и о том, что США — вовсе не единственная империалистическая держава в современном мире. Всегда существовало множество импе-

риализмов: европейский, американский, японский, китайский, причем их амбиции возрастали по мере того, как какая-то из мировых сил приходила в упадок. В настоящее время мы находимся в самом эпицентре перехода к новому балансу сил в рамках мировой империалистической системы, поскольку гегемонистская роль США, которая казалась совершенно незыблемой в 1950–1960-е годы, подорвана финансовым кризисом. По его словам, «мы подходим к конечному пункту назначения этого моноимпериализма». В результате на мировую авансцену выходят новые игроки. В ближайшие 15–20 лет мир претерпит быстрые и радикальные изменения. Впрочем, подобный поворот событий не вызывает у Харви особого энтузиазма, поскольку, по его мнению, многополярный мир, состоящий из нескольких империалистических центров силы, будет миром намного более опасным и менее предсказуемым, нежели мир однополярный.

Есть ли альтернатива?

Несмотря на то, что многие симптомы свидетельствовали о приближении мирового кризиса, его масштабы и последствия для многих оказались неожиданными. Растеряны не только обыватели и политики, но и интеллектуалы. Констатируя глубину и масштабность поразившего мир кризиса, ведущие интеллектуалы Запада сходятся друг с другом в том, что перспективы выхода из кризиса продолжают оставаться достаточно туманными, а рецептов его преодоления, рассчитанных на все случаи жизни, просто-напросто не существует. В этой ситуации остается только уповать — как на вынужденный паллиатив — на политику усиления государственного регулирования экономики в социал-демократическом или кейнсианском духе, пытаясь с ее помощью смягчить наиболее разрушительные последствия прежней неolibеральной политики. Именно такого рода средство борьбы с кризисом предлагается Греем, Фукуямой, Хабермасом и другими западными интеллектуалами⁷. Однако в то же самое время все громче звучат голоса тех, кто считает, что альтернативой нынешнему мировому кризису может стать идея коммунизма, отличная, правда, от тех институциональных форм, которые она приняла в XIX и XX веках. Ярким свидетельством тому стала трехдневная международная конференция, прошедшая в 13–15 марта 2009 года в Лондоне под симптоматичным названием «Об идее коммунизма». В ней приняли участие всемирно известные философы, концепции и идеи которых традиционно принято относить к левому спектру современной мысли: С. Жижек, А. Бадью, Ж. Рансьер, М. Хардт, А. Негри, Д. Ваттимо и др. Лейтмотивом конференции, собравшей более тысячи участников и слушателей, стала высказанная Бадью мысль о том, что «без горизонта коммунизма, без идеи коммунизма в историческом и социальном становлении нет ничего, что представляло бы

интерес для философа». Бадью вторил Жижек, настаивавший на том, что идея коммунизма может стать ответом на нынешний кризис, правда, при условии ее серьезного теоретического переосмысления. Он призвал брать пример с Ленина, который за два года до Октябрьской революции, в 1915 году, уединился в Швейцарии для того, чтобы проштудировать Гегеля. Таким образом, прошедшая в Лондоне конференция представляет собой показательный пример того, что нынешний мировой кризис, помимо всего прочего, снова вызвал к жизни целый сонм призраков — не только призрак «Великой депрессии» или «конца золотых времен», но и «призрак коммунизма», который снова бродит по Европе.

Не меньшей разногласий мнений отличаются и взгляды западных интеллектуалов на будущее мирового порядка. Одни из них — к их числу можно отнести Грея и Уоллестайна — считают, что результатом нынешнего кризиса станет не только упадок американской гегемонии, но и ускорение формирования многополярного мира, что делает международные отношения более предсказуемыми. Другие, как Дэвид Харви, соглашаясь с тем, что контуры многополярного мира просматриваются все более явственно, отрицают, что благодаря его формированию мировая политика делается более предсказуемой и менее рискованной, и предвещают сползание мирового сообщества к новой «войне всех против всех» в духе «естественного состояния» Томаса Гоббса. Третьи, подобно Фукуяме, выражают уверенность в жизнеспособности американской модели и ее способности справиться с вызовами мирового кризиса. Несколько особняком здесь стоит Хабермас и другие сторонники перехода от модели «мировых внутренних политики», которые связывают свои надежды на выход мирового сообщества из кризиса с реформой старых и созданием новых наднациональных

и международных институтов, что, по их мнению, должно привести к коренному преобразованию существующей системы международных отношений.

Интеллектуальный климат эпохи меняется

Таким образом, разброс мнений западных интеллектуалов о причинах и последствиях нынешнего мирового кризиса необычайно широк, и определенно ясно только одно: нынешний кризис будет иметь своим следствием не только крах господствующих неolibеральных идеологических моделей, но и неизбежно повлечет за собой пересмотр целого ряда представлений — о незаменимости рынка как механизма координации действий и распределения ресурсов, о спасительной роли частной инициативы для общества, о пользе минимального государства, о безальтернативности западной модели модернизации и рационального капитализма, о неизбежности однополярного мира под властью единственной сверхдержавы и т. д., — которые в прошедшие десятилетия приобрели в западной интеллектуальной среде статус почти что непререкаемых догм. Интеллектуальный климат эпохи меняется с калейдоскопической быстротой, открывая новые возможности и перспективы, так что вслед за классиком современной российской поэзии можно сказать: «Пусть сильнее грянет кризис!»; ведь именно в моменты глубокого кризиса интеллектуалы получают уникальный шанс «первым почуять важное».

⁷ Существование в американском академическом и экспертном сообществе консенсуса по вопросу о необходимости масштабного государственного вмешательства в экономику с целью предотвращения ее краха был вынужден признать и новоизбранный американский президент Барак Обама, который в интервью газете The Financial Times заявил: «В том, что касается необходимости государственной поддержки экономики, существует консенсус среди консервативных и либеральных экономистов» (The Financial Times, 30 March 2009).